
Александр Федорович Котс

Ф.К. Лоренц

Позвольте всего прежде выразить мою глубокую признательность за Ваше теплое приветствие, Оно меня очень тронуло, хотя я не обманываюсь в том, что до известной меры адресовано оно не столько мне, сколько моему паспорту, моему возрасту, моим сединам.

Но как раз этот мой возраст, близкий возрасту «библейских патриархов», позволяет мне перенестись воображением за полстолетие назад и мысленно восстановить былое с той правдивостью, которая доступна только современнику и очевидцу.

Всю мою речь я посвящаю светлой памяти давно умершего лица. Я буду говорить о знаменитом некогда московском препараторе-натуралисте-орнитологе **Федоре Карловиче Лоренце**, умершем ровно полстолетия назад, осенью 1909-го года.

Мало имен, так много говорящих орнитологам моего возраста, мало имен, которые бы сохранили память о себе столь же наглядно, вещно и неизгладимо.

В чем же эти, столь неизгладимые заслуги человека, о котором подавляющее большинство присутствующих в этой аудитории знакомо разве только по наслышке?

В лучшем случае с именем **Лоренца** увяжет современный орнитолог около десятка птиц, носящих его имя, будь то трое тетеревов- косачей (степной, байкальский и уссурийский), парочка фазанов, куропатка белая Сибири, пара воробьиных птиц с Кавказа.

Но затерянные среди множества других подвидов, эти «Лоренцевы крестники» давно бесследно растворились в цветнике других пернатых.

Столь же эфемерны и печатные научные труды, оставленные **Лоренцем**: его «**Птицы Московской Губернии**» и «**Птицы Северного Кавказа**».

При бесспорной ценности научной этих книг, как и бесчисленных заметок и статей, опубликованных в различных периодических изданиях у нас и за границей, все они разделят судьбы всех подобных сочинений, ставши достоянием времени.

Более длительный успех сулили фундаментальный труд покойного, им выполненный в самой хлопотливой части, именно иллюстративной, но оставшийся незавершенным «**Монография Тетеревиных птиц**».

Глубоко самобытный способ собирания материала, как и способ иллюстраций, примененный **Лоренцем** в этом труде заслуживает быть особенно отмеченным.

Долгие сорок лет, изо дня в день, своей размеренной походкой **Лоренц** обходил былой «Охотный Ряд», — ныне одна из станций нашего **метро**, а до Октябрьской Революции оправдывавший свое бессмысленное ныне наименование, состоя из ряда лавок, торговавших всякой снедью, в том числе различной дичью в том числе тетеревами, поступавшими за год в количестве миллиона пар со всех концов России на московский рынок.

Сорок лет, изо дня в день к приходу **Лоренца** торговцы отбирали для него, при счете дичи, все необычное по цвету или форме оперения, руководясь торгашескими интересам: большей ценой подобных «выродков». В итоге этого обследования миллионов птиц была составлена единственная в мире, абсолютно уникальная коллекция гибридов, аббераций, варьететов, даже отдаленно не имеющих ни в одном музее мира.

Добытое таким образом монтировалось особо тщательно и в свежем виде, до того, как наступала неизбежная из за усушки деформация, препровождалось в ателье фотографа.

Там, из свезенных свежесрезанных ветвей и листьев инсценировалось некое подобие микроландшафта и заснятые на его фоне «чучела», точнее говоря, изображения, размноженные фототипией, раскрашивались от руки.

В итоге — абсолютное воссоздание оригиналов, с величайшей точностью передающее тончайшие оттенки оперения и детали линьки, с совершенством, недоступным никаким художникам-анималистам, ни карандашу, ни кисти.

Свыше двадцати таких сюжетов и таблиц с расчетом на тираж, примерно в двести экземпляров, было изготовлено таким путем: свыше **четыре тысяч** таблиц «ин фолио» в ручной раскраске, — труд сверхчеловеческий...немудрено, что совершив его сам **Лоренц** медлили с окончанием издания, выискивая новые недостающие объекты, поступление которых невозможно угадать заранее.

Но уповая на свою неиссякаемую бодрость и на мнимо нестареющие силы **Лоренц** не спешил с писанием текста, отлагая оформление его до более свободных дней.

Им не дано было настать и тысячи цветных таблиц неподражаемого мастерства остались в положении «осиротелых».

Повинуясь чувству долга, мною полвека тому назад было приступлено к изданию заграницей (в Вене) названных таблиц в форме роскошной монографии «ин фолио».

Начавшаяся первая империалистическая война прервала это начинание: издание остановилось на одном лишь первом выпуске, успевшем разойтись в немногих экземплярах.

Говорить о предстоящей новой форме опубликования **Лоренцевского** труда — не входит в планы моего сегодняшнего выступления. И также не является моей задачей охарактеризовать значение **Лоренца**, как орнитолога-специалиста общеевропейского масштаба. Здесь достаточно напомнить, что сама его работа о «тетеревиных птицах» была им задумана в противовес обширной монографии директора Музея Дрездена, доктора А.Б. **Мейера**, с которым на страницах иностранной прессы **Лоренц** вел научную полемику, блестяще доказав ошибочность целого ряда Мейеровских утверждений.

Я не буду также говорить, как в целом ряде орнитологических вопросов, мнимо спорных даже по суждению наших бывших крупнейших орнитологов, как о таксономическом значении «Беркута» и «Холзана», «Полубелой Лазоревки» и природе «Тетерева-Межняка» **Лоренц** оказывался неизменно правым, защищая взгляды, ныне представляющиеся трузизмами.

Но есть другая и при том единственная в своем роде сторона наследия покойного, имеющая пережить века: Я разумею **Лоренца**, как несравненного новатора и реформатора сложнейшего искусства по созданию музейных экспонатов и, конечно, всего прежде в области Орнитологии.

Пускай по линии крупнейших представителей Млекопитающих и в частности **слонов**, американские музеи могут с гордостью указывать на своего **Экли**, Музей Британский (мною дважды посещенный) на шедевры фирмы **Роланд Уард**, Музей Берлина или Штутгарта на замечательные экспонаты по разделу Антропоидов, — но по разделу **птиц**, творения **Лоренца** доселе не имеют себе равного.

Естественно спросить: Когда и как впервые проявилось в **Лоренце** его столь исключительное дарование, как реформатора в музейном деле?

Ведь у нас, в бывлой России, только с **Лоренца** вульгарное понятие «Набивки Чучел» может быть отброшено, чтобы заместиться новым: «Произведение искусства на природной подоснове».

И как настоящее искусство, близкое к скульптурному, оно сумело выявиться с первых Лоренцевых работ, при первом выступлении его в 1872 году на Всероссийской Политехнической Выставке, ставшей началом нашему бывлому Политехническому Музею.

Можно с полной уверенностью утверждать, что если три крупнейших существующих в нашей стране зоологических музея (Академии Наук, Московский Университетский и наш Дарвиновский) могут не бояться их сопоставления с зарубежными, а частью даже сознать себя непревзойденными по мастерству монтажа многих экспонатов (и в особенности **птиц!**) то только потому, что опираются эти музеи о новаторские методы монтажа, разработанные **Лоренцем** и его школой.

В этом смысле следует признать за **Лоренцем** и его Школой крупную общественную, **политическую** роль.

Без **Лоренца** и его школы не было бы дарвиновского Музея и не только потому, что мерзкая продукция московских «чучелятников» (а было их не менее десятка!) не могли бы вдохновить меня к идеи основания Музея, но и потому, что все эти тоговцы «горе-препараторы не стали бы возиться с юным энтузиастом, не сулившим им особых „барышей“.»

Но этим самым мы касаемся самой высокой и ответственной оценки **Лоренца**, как воспитателя московской школы юных орнитологов.

Чтобы оценить вполне значение **Лоренца** в деле выращивания кадров молодых натуралистов и в особенности-Орнитологов, я приглашу Вас мысленно перенестись за более, чем полстолетия...

Вообразите орнитолога-подростка с прирожденным и порой наследственным влечением к многоголосо оперенным странникам. А большинство моей сегодняшней почтенной аудитории со мною согласится, что энтузиастичные любители Орнитологии рождаются, как музыканты или математики, а не слагаются, не фабрикуются из каждого, любого человека, из любого встречного.

Итак вообразим такого юного, природного любителя пернатых, но имевшего несчастье родиться не в условиях рождения и детства **Брэма** или нашего **Аксакова**, не окружении природой и людей, способных поддерживать влечение к познанию природы, а среди кирпичных стен столицы, среди каменных домов, булыжных мостовых, среди помоек, оживляемых лишь курами и воробьями...

Лишь естественно спросить: Как не заглохнуть этому природному призванию среди такого окружения?

Но и позднее, в юношеском возрасте, к кому стучаться за поддержкой, где найти достойного руководителя, способного, а главное, готового с душой и сердцем поддержать, развить, направит молодого энтузиаста?

«Средняя Школа» именно Гимназия, поскольку лишь кончавшие ее имело доступ к Университетам? Но в программах гимназических науки о живой природе были изгнаны.

По крайней мере сам я за все восемь лет классического обучения в моей Гимназии только однажды услышал одну зоологическую фразу, да и то, случайно на уроке немецкого языка, когда преподаватель наш, солидный немец, на вопрос ученика «что значит: рыбы дышат жабрами?», когда наш немец, не смотря на то, что спрашивавший обратился не по специальности учителя, ответил докторально:

«**Рибн воздух и вода — вместе иссосаю!**»

То была единственная реплика по Зоологии, которую я услышал за все долгие 8 лет моего обучения в Гимназии!

Итак от Средней школы ждать помощи не приходилось.

Столь же мало и от Университета.

Обращаться рядовому гимназисту к университетскому профессору в ту пору было бы не менее бестактно, чем солдату-рядовому лично обращаться к генералу.

И хотя в ту пору уже циркулировали книги **Мензбира** и **Холодковского**, но ни довольно тусклые и бледные рисунки первой, ни чрезмерно яркие изображения во второй не в силах были в полной мере захватить внимание бывшего юного натуралиста, дать понятие о подлинном богатстве форм и красок вольных обитателей лесов, или степных просторов.

А теперь перенесемся мысленно в подобный же булыжный двор и «каменный мешок» квартиры небольшого домика на бывшей Поварской в Москве. Скромная вывеска над дверью

«Препаратор **Ф.К. Лоренц**»

Вот Вы входите, невольно замерев от изумления: самые редкие, причудливые представители нашей пернатой фауны, изумительно правдиво, мастерски воссозданные, словно замерев, теснятся отовсюду, свешиваются с потолка и стен, толпятся на полу, сгрудились по столам и подоконникам.

Как зачарованные смотрите Вы на это царство возрожденных жизней, на цветистые гирлянды форм со всех концов страны, снесенных на пространстве нескольких десятков метров силою большой любви, большого знания, большого творчества.

Но, разумеется, все это изумительное царство птиц осталось бы вдвойне немым, если бы не их владелец, не волшебник этого маняще-сказочного царства, не сам **Лоренц**.

Рослая и стройная фигура, вопреки уже не молодым годам тонкие, правильные линии лица и острый, зоркий взгляд полевика-натуралиста, знатока российской и в особенности подмосковной фауны.

Этому последнему особенно содействовало первобытное былое состояние окраины Москвы.

Достаточно сказать, что на том месте, где сейчас проходит настоящее собрание, на бывших «Воробьевых», ныне **Ленинских** горах, когда то в годы **Лоренца** «тянули» Вальдшнепа и раздавалась песенка Дубровника, гнездившегося тут же, под Москвой, как полустанком векового расселения своего на Запад.

В этих орнитологических экскурсиях участие нередко принимали юные натуралисты того времени, как молодой тогда **Кожевников** (позднее профессор МГУ) и молодой **Сатунин** ставший позже хорошо известным по своим исследованиям на Кавказе.

Можно привести примеры, как ближайшее знакомство с **Лоренцем** было решающим (как в случае **Сатунина**) для всей последующей жизни некоторых лиц, и надо было видеть то участие, с которым относился Федор Карлович к этим своим ученикам.

Чтобы подлинно учесть значение и роль этого подлинного ученого-самородка, **Лоренца**, в деле выращивания кадров юных орнитологов в исходе прошлого столетия, или начале нашего, надо припомнить, что в ту пору не было в Москве ни юношеских объединений типа нынешних «**юннатских**», ни-как уже было сказано, преподавания зоологии в Гимназиях, ни-скажем откровенно нынешних **Гладковых** и **Дементьевых**, столь широко доступных ныне даже молодым зоологам среди учащихся, сумевших доказать серьезность отношения своего к науке.

И, если даже, виде редких исключений, — как то было в отношении Вашего докладчика-двери профессора **Мензбира** открывались даже для неоперенных орнитологов-подростков то опять лишь по рекомендации того же **Лоренца**, ко мнению которого всегда прислушивалась тогдашняя профессура.

Три поколения ученых приобщалось к орнитологической работе на глазах и под ближайшим руководством **Федора Карловича**. В лице его невидимая нить соединяла лиц, весьма различных по общественному положению и возрасту, и Школе, но сходявшихся в душевном отношении своем к нему, как редкому идеалисту-труженнику, как бескорыстному помощнику в науке.

Не боясь преувеличения, можно утверждать, что на исходе прошлого столетия и на пороге нынешнего не было орнитолога, будь то любителя, или крупнейшего специалиста по исследованию птиц, будь то исследователь Туркестана, **Северцов**, великий **Пржевальский**, **Мензбир** или **Сушкин** — нет того учителя наших учителей, который не был бы обязан **Лоренцу**, в скромных стенах которого не концентрировалась одно время вся орнитология **Москва**, не крепла и не зарождалась бы отчасти молодая школа юных орнитологов **Москвы**.

И потому так прав был в свое время, уже при Советской власти академик **Петр Петрович Сушкин**, говоря, что деятельность **Лоренца** сыграла в свое время крупнейшую общественную роль и что влияние ее оставило глубокий след в нашей культуре и что оно сказываемся и доселе.

И потому с чувством особой благодарности откликнулся я на предложение глубокоуважаемого Председателя Оргкомитета, профессора **Георгия Петровича Дементьева** — предложение выступить с коротким словом, посвященным памяти того, кто слишком полстолетия тому назад так скромно, но достойно соучаствовал в возникновении **Московской Школы Орнитологов**.

Профессор А.Ф. *Котс*.

Основатель (1896) и Директор Дарвиновского Музея в Москве.

18.VIII.1959.

Москва.

О Лоренце.

сокровища, накопленные **Лоренцем** за сорок лет, впоследствии, в разное время, разными путями и отчасти самым необычным способом перекочают в стены **Дарвиновского Музея**, как одна из величайших его ценностей, — неповторимые в истории биологических музеев «Страдивариусы», «Лоренцевские препараты».

Долгие тринадцать лет снабжался ими автор этих строк на льготнейших условиях при жизни **Лоренца**, а после его смерти (1909) все наследие его в полном объеме было приобретено в порядке гонорара за четырехлетнее научное заведование Лоренцевской фирмой.

А в итоге, — качество зоологической экспонатуры **Дарвиновского Музея** — абсолютно уникальное, не превзойденное по совершенству ни одним музеем мира.

Оставляя за собой вернуться к этому вступительному слову, предоставим продолжение его двум известнейшим бывшим ученым, современникам и почитателям-друзьям Федора Карловича **Лоренца**.

Начнем с некролога, написанного в свое время выдающимся зоологом, профессором **Московского Университета**, **М.А. Мензбиром**:

....«Я знал покойного в течение более 30-ти лет и за этот долгий срок мог убедиться в его совершенно исключительной любви к природе и таком высоком уважении к науке, какое доступно только истинно-культурному человеку. Ф.К. всегда резко разделял свои труды ради заработка и свои занятия, вызываемые научным интересом. Усталый от продолжительной механической работы, он рад был каждому зоологу, который приходил к нему поделиться чем-нибудь новым, или узнать от него самого что-нибудь новое относительно нашей фауны. Прямо из мастерской он садился писать письма, чтобы получить те, или другие интересующие его сведения, и своей любовью к делу заражал своих корреспондентов.»

«Трудно сказать, сколько ценных в научном отношении сведений и интересных экземпляров зверей и птиц получил Ф.К. из самых отдаленных углов нашего отечества. И все, что он получал, он строго сортировал: все представлявшее научный интерес им, прежде всего, предлагалось московскому университету, московским зоологам, отчасти зоологическому музею академии наук, или оставлялось для себя, но в продажу не шло; ..равным образом Ф.К. с удивительной готовностью работал на провинциальные естественно-исторические музеи и собирал систематизированные коллекции для любителей, радуясь каждому редкому экземпляру, которым он мог обогатить то или иное собрание.»

«В начале прошлых 80-ых годов Ф.К. два раза ездил на Северный Кавказ с целью изучения его птиц и в течение нескольких месяцев собрал там прекрасную коллекцию, которая послужила основанием к его большому печатному труду. Кроме того Ф.К. напечатал весьма обстоятельную статью о птицах Московской губ. и бесчисленное множество заметок в разных охотничьих журналах.»

«По некоторым отделам птиц Ф.К. обладал колоссальными сведениями, и я с грустью думаю, что за его смертью для науки потеряна задуманная им монография тетеревей русской фауны, для чего уже давным давно приготовлены десятки раскрашенных таблиц ин фолио. Равным образом Ф.К. с исключительным увлечением интересовался нашими хищными птицами, и я лично обязан ему драгоценными в научном отношении экземплярами для одной из своих работ, которые он собирал для меня в течение 25-ти лет с такой настойчивостью, как будто дело шло об его собственной работе.»

«Вообще все московские зоологи, работающие по позвоночным, так или иначе связаны с Ф.К. **Лоренцем**, и его потеря, без сомнения, тяжела для всех нас. Казалось бы, что такое препарат в Москве, где их найдется добрый десяток? Но Ф.К. был **научный препаратор**, выше всего ставивший науку, и, к тому же, высоко-культурный человек, с которым не только поддерживали сношение, но к которому питали большое уважение ученые специалисты.»

«Трудно сосчитать, сколько препараторов для экспедиций и студентов обучил Ф.К. и все бесплатно, лишь бы побольше было коллекторов. В его руки как-то сам собой стекался интересный фаунистический материал, и лучшие коллекции зоологического музея московского университета связаны с именем покойного Ф.К. **Лоренца**. Да будет же имя его светлым воспоминанием для тех, кто привык уважать его при жизни, и да послужит он примером тем, кто работает на скромном поприще препараторской деятельности, наглядно показывая, что они могут сделать для науки при уважении к ней.»

М. Мензбир.

7 Октября 1909.

/«Русские Ведомости»/

№ 229.

А вот другое «слово», сказанное двадцатью годами позже, привести которое тем более уместно, что написано оно бывшим крупнейшим орнитологом России, именем, которому посвящена сама наша работа, — академиком Петром Петровичем **Сушкиным**.

— «Федор Карлович **Лоренц** был своеобразным „торговцем“. Пропуская через свои руки массу материала, он неизменно извлекал из него вещи, представлявшие интерес в научном отношении.»

«Эти объекты он неизменно берег для тех ученых, или учреждений, где они имели специальное значение. Птицы Московской губернии шли специально для Академии Наук или Московского Университета, сокола — для профессора **Мензбира** и т.д. — коммерческий расчет не играл никакой роли: в „настоящие руки“ научный материал поступал и задешево, и в долгосрочный кредит, а то и даром, а какому-либо несведующему лицу ценные в научном смысле объекты не уступались и за дорогую цену. Избегалось и распыление материала.»

«Пользуясь частью своими деловыми связями, **Лоренц** неустанно вербовал новых поставщиков научных материалов из интересных мест, умел расшевелить торговцев пером, охотников, местных любителей и т.д. Многие редкости, многие факты распространения, стали достоянием науки только благодаря **Лоренцу**.»

«Зоологический Музей **Академии Наук** имеет от **Лоренца** ряд серий и отдельных поступлений, особо стоит отметить сбор птиц с Северного Кавказа и коллекцию птиц Московской губернии. Подобным образом многим обязан **Лоренцу** и Московский Музей в смысле сбора материала.»

«В искусстве монтировки зверей и птиц в естественных позах **Лоренц** был пионером и вместе с тем лучшим художником в нашей стране. Этим он оказал неисчислимые услуги просветительной, выставочной части наших музеев, в том числе Академического.....»

«В смысле монтировки птиц русским мастерам, воспринявшим способы **Лоренца**, до сих пор нечему учиться за границей.»

«Наконец, **Лоренц** был большим учителем препараторской и коллекторской техники. Можно сказать, что все собиратели и препараторы, ученые и профессионалы, связанные своим образованием с Москвой, являются или непосредственными учениками **Лоренца**, или учениками его учеников.»

«Все вместе заставляет признать за фирмой **Лоренца** крупнейшую общественную роль. Влияние ее в указанных выше смыслах, оставило глубокий след и продолжается и до сих пор.»

Академик А. **Сушкин**. — Заведующий Орнитологическим Отделением Зоологического Музея **Академии Наук СССР**.

Зоологический Музей Академии Наук.

11 Марта 1928 г.

Таковы высказывания двух авторитетнейших ученых, лично знавших **Лоренца** десятки лет.

Дополним сказанное кратким очерком несложной биографии этого столь многосторонне одаренного и обаятельного человека.

Родившийся (15 Марта 1842-го года) в польском городке **Вилоне** бывш. Калишской губернии, в семье текстильного мастера, **Ф. Лоренц** получил самое скромное образование, окончивши трехклассное училище. Вскоре затем Лоренц-отец переселяется в Москву и здесь, среди большого города, прошли и детские и юношеские годы молодого **Лоренца**. 16-ти лет берет он место в одной известной музыкальной фирме и, таким образом, условия, среди которых приходилось развиваться будущему натуралисту, совсем не отвечали его будущему призванию. Лишь с переводением на фабрику в бывшем Богородском уезде и вдали от города могла пробудиться и окрепнуть страстная любовь к природе. Все свободное от службы время посвящается охотничьим экскурсиям. Однако, уже эти первые шаги к ознакомлению с местной фауной рисуют молодого **Лоренца** гораздо больше наблюдателем-натуралистом, чем охотником. За это говорит необычайное обилие тончайших наблюдений, сохранившихся у **Лоренца** на всю последующую жизнь. К этому времени к концу шестидесятых годов, относятся все более ранние биологические заметки, разбросанные в позднейших сочинениях покойного, а также первые попытки сохранить добытые на охоте экземпляры путем художественной их препаровки.

Страстная любовь к природе, редкие технические дарования, талант и наблюдательность все больше составляли молодого **Лоренца** сменять перо конторщика на дробовик, ружье — на полевой бинокль, а последний на пинцет и скальпель препаратора, на кисть художника, на карандаш полевика-натуралиста, на перо сотрудника зоологических журналов, будущего автора естественно-научных монографий.

Каким образом за время относительно немногих лет сложилось это многогранное призвание **Лоренца**, как самобытного зоолога и несравненного художника-таксидермиста, — мы не знаем.

Очень может быть, что первыми приемами «набивки чучел» он обязан был кустарным указаниям какого-нибудь местного любителя.

Но, принимая во внимание, что по ряду экспонатов, препараты **Лоренца** остались до сих непревзойденными за рубежом, — приходится признать, что мастерством своим покойный был обязан самому себе, — редкому синтезу врожденной наблюдательности и художественного дарования.

Новатор «таксидермии», поднявший это до него кустарное и механическое ремесло «набивки чучел» до особого искусства, **Лоренц**, как художник-препаратор не имел и не имеет себе равного, по крайней мере в отношении некоторых групп животных.

Уже первым выступлением своим, участием в Политической Выставке в Москве, в 1882 году, сорокалетний **Лоренц** закрепил свою пожизненную славу, как художника, представив добрую полсотню замечательных витрин, монтированных им экспонатов, удостоенных тогда же высшего признания — Золотой Медали. Долгие полвека эти экспонаты оставались лучшим украшением Музея Прикладных Наук, возникшего на базе Выставки, чтобы сравнительно недавно, в части сохранившейся, войти в экспонатуру **Дарвиновского Музея**.

И, однако, ни одним только призванием препаратора-художника определялось отношение покойного к природе и естествознанию. За препаратором-натуралистом, неразрывно с ним, стоял натуралист-ученый, так удачно сочетавший зоркий глаз и острый ум с огромным опытом на базе непрерывного общения с родною фауной.

Планомерные экскурсии и наблюдения за поступлениями птиц на рынки, массовые материалы, присылавшиеся для монтажа в мастерскую, сделали покойного одним из лучших знатоков пернатой фауны подмосковных мест. Итогом этих наблюдений появилась книга: «Птицы Московской Губернии» (в издании Моск. Общества Испытателей Природы.)

В труде этом, как вообще во всех статьях и сочинениях покойного, характерной чертой является оригинальность содержания, свидетельствующая о громадном личном опыте: как в изложении фактов, так и в

обсуждении теоретических вопросов (например о различии Беркута и Холзана, о природе «полубелой лазоревки» и тетерева-межняка...) разбросаны оригинальные воззрения автора, или, по крайней мере, новые аргументации в пользу уже известных.

Но, не ограничиваясь изучением местной фауны, **Лоренц** был неутомим в завязывании связей в отдаленнейших районах нашего отечества, и здесь стремление его расширить наши сведения сумели захватить не мало лиц, впервые научившихся видеть в охоте не одну только забаву, но и одно из средств обогащения науки.

Эти обширные корреспонденции с любителями и охотниками Центральной Азии, Сибири и Кавказа наиболее расширили наши познания в отношении двух групп — тетеревиных и фазаньих, не случайно красотою оперения и своеобразностью повадок обративших на себя внимание **Лоренца**.

Прекрасно изучивши изменчивость, распространение и образ жизни местных форм, покойный так захвачен был открытым в 1875 году кавказским тетеревом, что бросает дом и уезжает на Кавказ с единственной целью изучить на месте эту замечательную птицу.

В результате — превосходное монографическое описание одной из характерных и дотоле малоизвестных птиц Кавказа, описание, вошедшее в обширный лоренцевский труд о северно-кавказских птицах.

Главной основой этого труда явилась следующая, вторая более продолжительная поездка на Кавказ. Что же касается до самой книги, хорошо известной каждому специалисту, то в ней замечательны и мастерски набросанные общие характеристики изученного края, и множество тончайших наблюдений, и описанные вновь, дотоле неизвестные в науке формы, и оригинальные таблицы в красках, превосходно выполненные совсем особым способом.

Этот последний наиболее совершенного применения достиг при составлении красочных таблиц к другому капитальному труду, давно задуманному **Лоренцем**, речь о которых будет ниже.

Приблизительно на ту же пору падает знакомство Федора Карловича с рядом наших выдающихся ученых-путешественников, Н.А. **Северцовым**, Н.М. **Пржевальским**, доверявшим **Лоренцу** монтаж особо ценных экспонатов, частью приобретенных позднее **Дарвиновским Музеем**. — Мы не говорим уже о связи **Лоренца** с московской профессурой, ярко освещенной в приведенных выше строках, посвященных его памяти профессором **Мензбиром**, Академиком П. **Сушкиным**.

Еще значительнее роль, влияние **Лоренца** сказались в деле воспитания кадров молодых зоологов и музеев.

И в самом деле. Надо было видеть юношеский пыл, с которым **Лоренц** относился к своему призванию, ту теплоту, которая вносилась им в общение с ?, чтобы понять причины, привлекавшие к нему десятки молодых зоологов, которые учились у него любить науку, понимать природу.

Можно привести примеры, как ближайшее знакомство с **Лоренцем** было решающим для всей последующей жизни некоторых лиц, и надо было видеть то участие, с которым относился он к этим своим ученикам...

Три поколения ученых приобщилось к орнитологической работе на глазах и под ближайшим руководством Федора Карловича. Кто из наших проредивших бывших многочисленных учеников его не сохранял пожизненно воспоминаний о приветливом, отзывчивом характере, о благородном облике покойного, о долгих, неизменно привлекательных беседах в его скромной мастерской, уставленной коллекциями любимых им животных! Чуждые академизма эти душевные научные беседы были в равной мере дороги и опытным, уже сложившимся ученым, и охотникам-любителям, и начинающим зоологам, студентам, и учащимся со школьной, гимназической скамьи...

В лице Ф. **Лоренца** невидимая нить соединяла лиц, весьма различных по общественному положению, возрасту и школе, но всегда сходящихся в отношении своих к покойному, как редкому идеалисту-труженнику, как бескорыстному помощнику в науке и как идеальному наставнику и человеку.

Смерть застигла Федора Карловича за его любимым делом. Еще полный сил, горячего желанья работать, несмотря на 67-ми летний возраст, он умер от припадка грудной жабы, и прервалась неожиданно, единственная редким сочетанием талантов, жизнь художника- натуралиста.

Но естественно спросить: воссоздавая в памяти давно угасший облик и путь жизни скромного натуралиста и художника, — чем оправдать такое позднее о нем воспоминание?

Мало ли талантливых, отечественных самородков с того времени сошло со сцены жизни и особенно в течение последнего десятилетия, столь щедрого талантами, как и — увы! — утратами..

Чем оправдать этот наш запоздалый отклик?

Отвечая на вопрос, полезно осознать **тройное** культурное наследие **Лоренца**.

Его печатные труды по изучению отечественной фауны, птиц «Московской Губернии» и «Севера Кавказа», еще в большей степени — ряд полемических статей в научной зарубежной прессе: выступая против одного тогдашнего именитого «светила» в области Орнитологии **Лоренц** блестяще уличил его в грубейших промахах в той сфере, где покойный был и доселе остается первым и непререкаемым авторитетом: в группе **Тетеревиных птиц**.

Именно в этой области — Изменчивости ----- Федор Карлович годами занят был подготовлением обширной монографии, имевшей закрепить его полувековой опыт, как зоолога и как художника.

Мы разумею совершенно самобытный метод, примененный **Лоренцем** к изготовлению иллюстраций для своих трудов. Основанный на длительных, подготовительных и пробных опытах, уже использованный в книге о «Кавказских Птицах», этот способ заключался в нижеследующем:

Сорок лет, из года в год, упорно-методично собирал покойный все, что попадалось редкого среди тетеревиных птиц: гибриды, цветовые варианты, аномальные окраски и структуры оперения...

Добытое таким образом монтировалось особо тщательно и в свежем виде, до того, как наступает неизбежная из-за усушки деформация, препровождалось в ателье фотографа.

Там, из естественных свежесезонных сучьев, веток, листьев инсценировалось некое подобие «микрорландшафта») и заснятые на его фоне чучела, вернее говоря, изображения, размноженные фототипией, **раскрашивались от руки**.

В итоге, — абсолютное воссоздание оригиналов, с несравненной точностью передающее тончайшие оттенки оперения и детали линьки, с совершенством, недоступным никаким художникам-анималистам, ни карандашу, ни кисти.

Свыше двадцати таких сюжетов и таблиц с расчетом на тираж примерно в **двести** экземпляров было изготовлено покойным: свыше четырех тысяч картин и фоллио ручной раскраски, труд сверхчеловеческий... Немудрено, что совершив его, покойный медлил с окончанием всей серии, выискивая, выжидая новые, недостающие объекты, поступление которых невозможно угадать заранее.

Но, уповая на свою неиссякающую бодрость и на мнимо нестареющие силы, **Лоренц** не спешил с писанием текста, отлагая оформление его до более свободных дней..

Им не дано было настать, и тысячи цветных таблиц неподражаемого мастерства остались в положении «осиротелых».

Именно об этих красочных таблицах с грустью вспоминал в своем некрологе покойному профессор **Мензбир**.

Именно о них писал, когда-то, наш былой известнейший фаунист и систематик-орнитолог С.А. **Бутурлин** («Наша Охота», Ноябрь 1909), полагавший, что издание этих таблиц, хотя бы с «самым кратким текстом», было бы «достойным памятником знания и таланта покойного».

Идя навстречу этим пожеланиям и зову чувства долга, пишушим эти строки, сорок лет тому назад, было приступлено к изданию за границей, в **Вене**, названных таблиц, в форме роскошной монографии «ин фоллио», с использованием выдержек прежних печатных сочинений **Лоренца**, дополненных отрывками оставленных им записей и полустотней иллюстраций в тексте.

Начавшаяся первая империалистическая война прервала это начинание: издание остановилось на одном лишь первом выпуске, успевшим разойтись только в немногих экземплярах, оцененном хорошо тогдашней

критикой, как русской (См. «Орнитологический Вестник» № 2 1911), так и зарубежной (Золотая Медаль на Международной Охотничьей Выставке в Вене, 1911).

Сорок лет хранилось это ценное наследие **Лоренца**, завещанное пишущему эти строки, без фактической возможности издания таблиц в первоначально запланированном виде. — На роскошной меловой бумаге в виде капитальной монографии «ин фолио».

И только приближаясь к завершению своего посильного служения и жизни, автор счел своим моральным долгом перед памятью Учителя и друга, — обнаружить эти чудесные таблицы, правда, в несколько ином сопровождающем контексте.

А в самом деле. Приводить былые сведения о географии и систематике тетеревов сейчас, по миновании полвека, при наличии новейших превосходных сводок русских орнитологов (**Дементьева**, **Бутурина** и **Штегмана**), — казалось нам не более оправданным, чем ограничиваться голым описанием отдельных вариантов, помесей, или аберративных оперений и структур...

Уместный, столетия тому назад, в ту пору, когда внешнее многообразие или богатство форм и красок тех или иных животных групп способно было захватить внимание любителей, или ученых, независимо от выводов и обобщений, — этот тип и стиль научных монографий было бы труднее оправдать сейчас, когда за каждым новым фактом, или наблюдением, мы ищем новые аспекты знания, созвучные более общим и глубоким требованиям дня.

Вот почему, давать сейчас простые описания и голые таблицы измерений, зная наперед их беспредметность для ученого (поскольку непереуловленный самим автором на обобщающий язык кривых и диаграмм мир голых цифр мало говорит..), печатать рукопись в том виде, как она готовилась, когда-то, сорок лет тому назад пишущим эти строки, — значило бы не учесть гигантских сдвигов, происшедших с той поры в науке вообще, и в частности, в трактовке биологии **советскими** учеными, в подходе их в дискуссионном и волнующем проблемам Дарвинизма.

Таковы моменты, побудившие использовать научное наследие **Лоренца** в аспекте, более широком, чем предполагалось им самим, при том не только в отношении охвата темы и ее трактовки.

Расширение коснулось самого фактического материала.

Дело в том, что самим **Лоренцем** закрепить в цветных таблицах удалось сравнительно немногие объекты из бесчисленных, прошедших через руки **Лоренца**: не малое число других, столь же редчайших экспонатов, разошлось по частным и общественным музеям, как отечественным, так и зарубежным.

За протекшее со смерти **Лоренца** сорокалетие удалось пополнить им завещанные материалы сотнями других объектов, вырванных из собраний частных лиц, или путем обмена с разными музеями.

В итоге, — совершенно уникальная коллекция, во много раз превосходящая исходную у **Лоренца** и наводящая на обобщения, оправданные лишь на базе этих беспримernih сборов: общее количество «нормальных» птиц, за счет которых проводились сборы «аномальных» форм за время целого столетия, (примерно со середины XIX- го Века и до наших дней...) определяется в количестве не менее **двух сот миллионов!** — Цифра, достаточная для ответственных научных выводов.

Этот ценнейший материал обязывал дополнить прежний, закрепленный **Лоренцем** в цветных таблицах, правда, в форме более обычных «черных» фотоиллюстраций в тексте.

И поскольку подавляющее большинство их представляет «Лоренцевские» препараты, — эти фотографии созвучны содержанию цветных таблиц.

Тем более оправданным казалось отказаться от использования записей, оставшихся после покойного в виде черного материала для его работы.

Беглые, иррегулярные, набросанные идеальным почерком, но в высшей степени отрывочно, эти заметки, стили кратких протоколов, ничего существенного не прибавили бы к тем высказываниям или очеркам, которые им сделаны в печати.

Возвращаться к этим общим мыслям **Лоренца** казалось нам нерациональным: Орнитологам эти его работы хорошо известны, а для неспециалистов — мало интересны.

Также неоправданным казалось приводить оставшиеся в рукописях описания отдельных «выродков», в особенности там, где подлинных оригиналов, самых экземпляров этих птиц не сохранилось, да и самые особенности их рисуются лишь как модификации других, аналогичных особей, представленных в натуре, в вещных экспонатах, закрепленных в фотоснимках.

Таковы мотивы, вынуждающие автора остановиться на дисгармоничном с виду сочетании трактата, посвященного дискуссионным темам Дарвинизма, с атласом прекрасных красочных таблиц, способных захватить внимание не одних только ученых, но и широчайшие круги любителей природы, краеведов и работников музеев.

Таково **второе**, более реально-вещное наследие покойного: чудесные таблицы красочных изображений, в создании которых **Лоренц** (— как когда-то справедливо было сказано¹) вложил «все силы, и духовные, и материальные, все сбережения, всю свою душу...»

И, однако, как ни уникально мастерство этих цветных таблиц, — им не дойти до масс, за скромностью тиража и дороговизной самого издания, и это в наши дни, когда достоинство любого достижения культуры мы расцениваем, всего прежде, степенью его доступности и эффективности, его реальной пользы для широких масс.

¹ См. «Орнитологический Вестник» 1911, № 2 ст. 206.